

ГЛАВА 11

Всегда быть в маске судьба его

Прежде, чем перейти к следующему книжнику, провозгласившему Пушкина пророком, считаю нужным вернуться к мелькавшей на этих страницах теме образа, чтобы убедить читателя в том, что не зря автор так грозно ополчается на литературу, провозглашая её ядом и даже врагом русского народа, неким хананейским племенем, мешавшим древнему Израиллю спокойно жить в земле обетованной. Врагом, которого, впрочем, не нужно уничтожать, но пленить и в послушание Христу Богу привести, как мы научены Апостолом (см.2Кор.10:6). Я усиленно подчёркиваю это обстоятельство, поскольку слышу уже звон затачиваемых шашек и боевую переключку голосов, готовых обвинить меня во всех «-измах» от обскурантизма до экстремизма. Между прочим, пленение данного врага есть необходимое условие нашего успешного продвижения в Зосимину пустынь.

В телевизионных главах мы пытались ответить на вопрос, почему кланяющийся зверю подвергается равному наказанию с тем, кто кланяется его образу. Потому что, ответили мы, согласно Апокалипсису и за зверем, и за образом зверя стоит диавол, который, как маски, примеряет их. Тогда мы задумались: а может, и сам диавол это – маска? Может, и диавол это всего лишь – образ? Но почему-то ушли в сторону от этого вопроса. Теперь вернёмся к нему.

Вновь процитируем слова В.Н.Лосского. «В аспекте сущностном отцы считают, что зла не существует, что оно есть только лишение бытия. /.../ Зло, конечно, не имеет места среди сущностей, но оно не только «недостаточность», в нём есть активность. Зло не есть природа, но состояние природы, и в этом высказывании отцов заключается большая глубина. Таким образом, оно есть как бы болезнь, как бы паразит, существующий только за счёт той природы, на которой паразитирует. Точнее, зло есть определённое состояние воли этой природы; это воля ложная по отношению к Богу. Зло есть бунт против Бога, то есть позиция личностная. Таким образом, зло относится к перспективе не сущностной, а личностной. «Мир во зле лежит», - говорит Иоанн Богослов, зло – это состояние, в котором пребывают природы личных существ, отвернувшихся от Бога. Итак, начало зла коренится в свободе твари. Вот почему оно непростительно; зло рождается только от свободы существа, которое его творит. «Зло – не есть; или вернее, оно есть лишь в тот момент, когда его совершают», - пишет Диадок Фотикийский, а Григорий Нисский подчёркивает парадоксальность того, кто подчиняется злу; он существует в несуществующем».

А теперь поставим рядом со словом «зло» слово «образ». «Зла не существует». Так же и образ, который вроде бы есть, и в то же время его нет, поскольку уничтожь его, и ничто в мире не изменится. «Зло не имеет места среди сущностей». Так же и злой образ не имеет места среди сущностей, поскольку всегда является чьей-либо выдумкой. «Зло не есть природа, но состояние природы». Так же и злой, погибельный образ создаётся не природой, но искажением её. Зло, как и образ, относится к перспективе не сущностной, а личностной. Образ рождается только от свободы существа, которое его творит. Злой образ – не есть; или вернее, он есть лишь в тот момент, когда на него обращают внимание. Тогда как истинный Образ существует всегда, независимо от субъекта. Можно подчеркнуть парадоксальность того, кто обольщён каким-либо образом – он существует в несуществующем.

Не меняя хода мыслей В.Н.Лосского, мы поставили рядом слова «зло» и «образ», и как удивительно они совпали. Без всякого ущерба для смысла, и даже проясняя местами этот

смысл, всё сказанное в отношении зла совпало с тем, что можно сказать в отношении злого образа. Но важно при этом подчеркнуть, что речь идёт об образе, которого нет, т.е. о вымысле, подобном внушённой диаволом праматери Еве мысли *вы будете, как боги* (Быт.3:5). Речь идёт о губительном образе. Именно такой, т.е. лживый и губительный образ не существует сам по себе, как и зло. Он существует паразитически на истинном Образе, как и зло, которого в действительности нет, и которое существует паразитически на добре.

Но есть и другой Образ, которому мы научены поклоняться Седьмым Вселенским Собором. Этот Образ принципиально отличен от образа, поскольку он пронизан нетварным Божиим Светом. Здесь я имею в виду не одну только православную икону. Этот Образ запечатлен в незамутнённом диавольским дыханием Богозданном мире. Этот Образ был разлит в мире до того, как его коснулась смерть. Этот Образ отражён в Священном Писании и в Церковном Предании. Через этот Образ мы видим Свет Непрístupный. Этот Образ не создаётся, но даётся свыше, потому что этого Образа никто кроме Бога создать не может.

Продолжая далее сравнение Образа и образа, можно сказать, что тварь не способна к созданию образов, но создаёт только образы. Сотворить образ Образом может только Бог, если тварь Его об этом просит. Тварь способна лишь подражать Образам или их искажениям. У образов есть только два способа существования: либо образы соделываются Образами благодатию Божией, либо образы паразитирует на Образах.

Что же значит вести жизнь паразита? Это значит, например, превращать материальные блага из средств жизни в самостоятельную её цель. Это значит самую жизнь, дарованную нам для стяжания вечного блаженства, превращать в самодовлеющего идола, т.е. в жизнь ради жизни, а не ради Бога. А поскольку *идол в мире ничто, и что нет иного Бога, кроме Единого* (1Кор.8:4), то паразитическая жизнь оказывается прожитой впустую. Концом же паразитического образа жизни является *огнь вечный, уготованный диаволу и аггелом его* (Мф.25:41).

Это всё старые, как мир, истины. Однако они и есть те главные примеры, которые можно привести, чтобы наполнить содержанием категорию «образа». Но только ли в предсказанной геенне беда паразита? Кстати сказать, многие из верующих, вернее, из называющих себя верующими (*) перестали верить в существование геенны и в возможность в ней оказаться, говоря, что Бог по Своему благоутробию не допустит вечного мучения созданных Им людей. Что им отвечать?

(*) «Это не просто «называющие себя верующими», это – современное священство, богословы и иные достойные по зловредности оппоненты. С ними и надо вести дискуссию, а не с повторяющими их задворки соблазненными прихожанами», - сказали автору читатели. Что отвечать? Это горькая правда. Но у нас другой жанр, читатель, у нас роман, а не дискуссия.

Бог, может, и не допустил бы вечного мучения твари, но иная тварь сама себя готова вечно мучить, лишь бы только не общаться с Богом. В том и заключается зло зла, что живущий в нём сам для себя оказывается мучителем. Это удивительно, но это так. Весь ужас положения паразита в том, что при всём желании простить его – простить его невозможно. Почему? Потому что зла как такового нет. Зло творит сам человек, значит, и палачом за содеянное зло он будет сам себе. Наказание паразита – в нём самом. Злодей сам себя рано или поздно накажет.

Кто был первым злодеем, и, стало быть, оказался первым паразитом и собственноручным мучителем? Дьявол. Выходит, дьявол – первомученик, вернее сказать, первый самим собой мучимый грешник? Что ж, можно и так сказать, привлекая греческий смысл слова «*мартирос*» (мученик) – свидетель. Дьявол – первый свидетель геенны. Но своё мученичество за неё, вернее сказать, мученичество в ней, он, разумеется, скрывает, потому что явись он в своём истинном растерзанном обличье своим клиентам, они в ужасе разбегутся. Поэтому своё свидетельствующее о геенне лицо он тщательно скрывает под различными личинами. Поэтому он всегда – в маске. Дьявол, конечно, не маска, он личность, но он должен устраивать маскарад, чтобы скрыть о себе правду.

«Хорошо, - готов согласиться читатель. - Дьявол всегда в маске, но причём здесь литература?»

Как причём? Поскольку самый способ существования литературы есть создание образов, и без образов литературы не бывает, то её по праву можно назвать сообщницей главного изготовителя масок.

«Но ведь не все маски вредные, бывают маски, научающие добру, честности, правде».

Вы меня не поняли, читатель. Я не хочу разбираться в качестве масок. Какими бы они не были, они остаются масками. А у дьявола, кстати, все маски хороши. Потому что в сравнении с тем злом, которое они скрывают, все его маски могут быть названы добрыми. Но речь не об этом. Если кто-то хочет научить добру, то ему незачем покрывать своё лицо личиной. Эта игра нехорошая в основе своей, потому что под любой из личин может в итоге скряться дьявол. И потом, самая правдивая маска уже потому не может научить правде, что она сама по себе – неправда.

«Ну, а как же сказки, басни и прочее? Что же, детям и сказок послушать нельзя?»

Литература, как и вся культура в целом, полезна, как полезен лечебный яд, но к ней только как к яду и нужно относиться, и воспринимать её как врага. Следуя святоотеческим поучениям, нельзя безрассудно верить ни одной приходящей в голову мысли, ни одному образу. Даже воочию зримым предметам нельзя доверять без молитвы. Необходимо всё испытывать: зачем? откуда? от своих или от чужих? *Наш ли еси, или от сопостат наших?* - спросил праведный Иисус Навин явившегося ему ангела (Нав.5,13). Точно так необходимо встречать всякую приходящую в голову мысль, всякий возникающий в уме или перед глазами образ: наш ли еси ты?

Зачем добру изображать из себя добро? Зачем ему прятаться под маской? Чтобы научить добру? Но это странное для добра занятие, потому что, сняв маску, оно ещё быстрее этому научит. Маска уже потому опасна добру, что в ней легко слукавить, так как любая маска это – игра. Но чтобы хоть немного наполнить вещественным смыслом эти отвлечённые рассуждения о добре в маске и добре без маски, вспомним слова Апостола Павла: *Молю же вас: подобни мне бывайте, якоже аз Христу* (1Кор.4:16). Вот Апостольский способ научения добру. Он сам себя предлагает коринфянам в образ для подражания, имея перед собой Первообраз всех христиан – Христа. Апостол не говорит коринфянам, я вам сейчас нарисую, сыграю, расскажу в сказке, напишу в романе, сниму на киноленту и т.д. некий образ, которому вы и подражайте. Нет, без масок, без игр, без представлений, но непосредственно – *подобни мне бывайте*.

Святитель Иоанн Златоуст в беседе на эти Апостольские слова говорит: «Итак, хотите ли, я покажу вам картину, изобразив перед вами жизнь Павла? Представьте картину, которая гораздо лучше царских изображений. Основание её – не склеенные доски и не натянутое полотно, а дело Божие служит ей основанием; это – душа и тело. Душа есть творение Бога, а не людей;

равно также и тело» (т.10, с.131). Святитель несколько отступает от Апостольских правил преподавания учащимся образа для подражания. После слов «хотите, я покажу вам картину, изобразив перед вами жизнь Павла», ему, строго следуя за Апостолом, нужно было бы сказать: я вам покажу её своей жизнью... И Святитель Иоанн Златоуст покажет всей своей жизнью, т.е. священническим и первосвятительским служением, а также ссылкой в Кукуз покажет нам картину Апостольской жизни, но здесь, на амвоне Антиохийской церкви ему нужно словами эту картину нарисовать. И он её рисует, но не игрой воображения, не театральным действием, не столько художественным, сколько Боговдохновенным словом, исполненным *веры и силы* (Деян.6:8).

«Но говорят, что за игрой легче научиться, и что в игре быстрее усваиваются добрые навыки?»

Сомневаюсь в полезности такого обучения, поскольку добрый навык состоит в привычке к труду, а не к увлекательности. «Тяжело в учении, легко в бою». Если же легко в учении, значит, бой можно считать проигранным. Поэтому, если и нужны кому игра и маска, то вовсе не добру и правде, но их противоположностям.

«Если отвергнуть все игры, маски, образы, то, как тогда научиться добру? - удивится читатель. - Слово «образование» происходит от слова «образ», поскольку образовать человека это и значит – дать ему образ. А вы слово «образ» ставите вместо слова «зло» и ищите между ними совпадения. Что же, по-вашему, образование это – зло?»

Дорогой читатель, во-1-х, я всецело согласен с вами, что образование отлично от знания, и что научить человека добру так, как его учат физике и пению, нельзя. Потому и говорю, что образовать человека можно только личным примером. Потому и говорю, что всё зависит не от образа, а от учителя, научающего понимать, как нужно к тому или иному образу относиться. А во-2-х, мы затем и отличили Образ от образа, чтобы отличить Образование от образования. Поскольку человек создать Образа не может, но может его только получить свыше, то и Образоваться он может только с учительной помощью Бога. Помощь же Божия подаётся тогда, когда человек её просит, т.е. молится. Стало быть, все способы образования и самообразования, не соединяемые с молитвой, к Образованию не ведут. А раз так, значит, истинным добром, по-иному называемому – благом, эти способы быть не могут. Но чтобы нам не увязать в философских категориях, перейдём к предметному разговору.

Цыганский табор

Подошла очередь следующего участника торжественного производства Пушкина во пророки. Какое великое событие! Каким восторгом горят глаза! Ещё бы! Никогда не было на Руси пророков, и вот является «божественный посланник», а мы, его почитатели, принимая *пророка во имя пророче* (Мф.10:41), мзду пророчу получаем. Ну, а если кто лжепророка принимает во имя пророка? Тот, надо думать, мзду лжепророка получит. Какая же мзда у лжепророка? *Погубиши вся глаголящия лжу* (Пс.5:7). В переводе Юнгера: «Погубишь всех говорящих ложь».

Итак, начало речи, произнесённой Ф.М.Достоевским в заседании Общества любителей российской словесности в 1880 году: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческое. Да, в появлении его заключается для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое. Пушкин как раз приходит в самом начале правильного самосознания нашего, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с

петровской реформы, и появление его сильно способствует освещению темной дороги нашей новым направляющим светом. В этом-то смысле Пушкин есть пророчество и указание».

Странно читать эти слова Федора Михайловича. Можно понять и принять их только при условии разграничения двух обществ: допетровского и послепетровского, потому что для русского самосознания, уходящего корнями в Киевскую Русь, Пушкин началом быть никак не может. Видимо, Ф.М. относит себя к послепетровскому обществу, называя его нашим, а допетровское общество и его самосознание, надо полагать, считает уже не существующим, раз поставляет Пушкина не в середину и не в другую часть пути, но в самое начало «правильного самосознания нашего». Причём, даёт поэту в руки факел к освещению «тёмной (!) дороги нашей новым (!) направляющим (!) светом. (*) В этом-то смысле Пушкин есть пророчество и указание». Чего и куда?

(*) Свет Христов просвещает всех! Или Федор Михайлович никогда не слышал этого возгласа в церкви?

«В Алеко Пушкин уже отыскал и гениально отметил того несчастного скитальца в родной земле, того исторического русского страдальца, столь исторически необходимо явившегося в оторванном от народа обществе нашем. Отыскал же он его, конечно, не у Байрона только».

Возникает вопрос: можно ли называть русским того, кто оторвался от русского народа? И что это за имя у «русского страдальца»? На каком языке говорил Алеко в цыганском таборе? Едва ли на русском. Я разумею, конечно, не поэтического, но действительного Алеко, если таковой когда-либо был. Попутно с возмущением замечу, что в отношениях с литературой всегда эта липкая двусмысленность возникает, что, перебирая маски, общаясь с масками, думая о масках, сам для себя незаметно можешь стать маской, если не будешь делать подобных поправок, разграничивающих литературного персонажа и действительного человека.

Итак, что касается народа, или языка, как по-церковнославянски именуется народ, то, как только Алеко перестал говорить в таборе на русском языке, так и утратил имя русского человека, вернее, остался им лишь по происхождению. А что касается веры, то православным никак не может быть назван тот, кто оторвался от православия. Немыслимо написать: «оторванный от православия православный страдалец». Впрочем, Ф.М. так не пишет. Но читаем его дальше.

«Тип этот верный и схвачен безошибочно, тип постоянный и надолго у нас, в нашей русской земле поселившийся».

Судя по этим словам, Ф.М. полагает, что типы отыскиваются писателями на земле. Если дело обстоит именно так, то чем тогда писатель, собирающий типы, отличается от натуралиста, собирающего бабочек? В чём тогда заключается писательское мастерство? В том только, чтобы поймать и описать редкий экземпляр? Но на такое определение своего ремесла любой писатель не согласится. Да и нам, читателям, известно, что писатель это – творец. Всё увиденное и пережитое он обобщает и отликает в совершенные художественные формы. Причём, талантливый писатель творит не из себя, а из вдохновения. Откуда же оно берётся? Оно посылается свыше, из заоблачных духовных сфер.

Греческое слово «типос» означает «образ, форма, тип, первообраз», а ещё – «отпечаток». Отпечаток чего? Если не обижать писателя и не превращать его в собирателя земных типов (*), то надо признать, что он отпечатывает на своих героях небесный первообраз, а именно тот самый дух, который посылается писателю в так называемом вдохновении. Иными словами,

писатель отображает в героях своих произведений образ, или образец поведения, который был увиден его вдохновенным взором где-то в поднебесной выси.

В сказанных мною словах нет усмешки, ибо по-настоящему великий художественный образ сродни религиозному откровению. А образы, что созданы писателями помельче, можно назвать использованием открытого гениями художественного материала. Так же обстоят дела в науке, в которой лишь сотая часть изобретений имеет исключительное значение, потому что открывается не силой учёного ума, но озарением свыше. Прочие научные достижения являются лишь разработкой эвристических тем.

А если это так, если печать на небе, а отпечаток на земле, то уже не важно, из какого общественного слоя взят герой: дворянского, разночинского, крестьянского... Не важен также и народ: русский, немецкий, английский... Не важно даже историческое время, описываемое в книге, поскольку все эти мелочи имеют лишь земное преходящее значение. Что же тогда важно? Важна та небесная печать, оттиск которой несут на себе литературные герои. Какого же духа отпечаток мы видим в «русском скитальце» Алеко? Отпечаток духа, оторвавшегося от своей среды.

Переведя мысль Ф.М. из плоскости земной в идеальную, можно сказать, что Пушкиным был отыскан и верно схвачен небесный первообраз скитающегося духа. Вернее же сказать, воображение писателя Пушкина было схвачено и увлечено этим духом, который, мало сказать, «постоянный», он – вечный. А что касается долгосрочного поселения его в «нашей русской земле», то здесь Ф.М. оказался прозорливцем. Но читаем его дальше.

«Эти русские (опять употребляется это спорное в приложении к оторванным от русского народа скитальцам слово, - Г.С.) бездомные скитальцы продолжают и до сих пор свое скитальчество, и еще долго, кажется, не исчезнут (они никогда не исчезнут, - Г.С.). И если они не ходят уже в наше время в цыганские таборы искать у цыган в их диком своеобразном быте своих мировых идеалов (почему же не русских идеалов, если они русские люди, почему мировых? - Г.С.) (**) и успокоения на лоне природы от сбивчивой и нелепой жизни нашего русского - интеллигентного общества, то все равно ударяются в социализм, которого еще не было при Алеко, ходят с новою верой на другую ниву и работают на ней ревностно, веруя, как и Алеко, что достигнут в своем фантастическом делании целей своих и счастья не только для себя самого, но и всемирного. Ибо русскому скитальцу необходимо именно всемирное счастье, чтоб успокоиться (Почему же ему не хочется покоя со святыми, почему нужно непременно во «всемирном счастье» успокоиться? (***) Не потому ли, что скиталец этот уже давно нерусский, т.е. неправославный? - Г.С.): дешевле он не примирится, - конечно, пока дело только в теории».

(*) «Писатель и есть собиратель. Только вам это не выгодно признавать», - заметили автору читатели. Что он ответил? Согласен, что я не вполне прав, но ведь и вы не вполне правы. Сойдёмся посредине?

(**) «Потому что людям свойственно ошибаться, сбиваться с пути и блуждать, пока не найдут спасительный свет», - ответили автору читатели на поставленный им вопрос. Автор с этим не спорит, он именно это и говорит, что спасительный свет – в церкви, не надо ничего выдумывать, и других с пути сбивать. «Почему же сбивать? Почему не приводить в церковь?» Потому что, если подсчитать, скольких людей литература привела в церковь, а скольких увела, то не окажется ли, что, приведя нескольких человек к вере, она тысячу других сбила с пути? «Как и кто это может подсчитать?» Подсчитала жизнь, и случившаяся революция – это её подсчёты. Но дело даже не в революции, а в том, что спустя сотни лет потомки тех, кто искал в литературе спасительного света, имея возможность видеть пройденный Россией исторический

путь, трагический и скорбный, не хотят признать очевидного факта – российская литература с пути в церковь уводит.

(***) «Святые тоже молятся за весь мир, за всемирное счастье в их святом понимании», - сказали автору. Что он ответил? «О мире всего мира... и соединении всех» молится Церковь, и мы вместе с нею об этом молимся на каждом богослужении. Мы молимся, но не мы решаем, мы просим, но не мы соединяем. Соединяет Господь и далеко не всех. В других главах мы увидим, как писатель Ф.М. Достоевский сам будет всех соединять и призывать своих читателей к этому деланию.

Речь идёт об Алеко. Ну, а если не прятаться за литературные маски? Если отбросить обе крайности в рассуждении о природе творчества, а именно ту, что писатель есть коллекционер земных типов, и ту, что он что-то вроде безвольного медиума? Если поставить писателя посередине между самостоятельностью и вдохновенностью, что выйдет? А то и выйдет, что не Алеко мы должны будем назвать теоретиком социализма, но самого поэта Пушкина.

«Здрасьте вам. Приехали», - слышу я читательские возгласы. - Дальше ехать некуда. Вылазь».

Не спешите с восклицаниями, дорогие, потому что социалистом мы всё-таки называем не самого Александра Пушкина, но дух, увлекший воображение поэта Пушкина. Именно он, бездомный, скитающийся, пытающийся свой, без Бога мир создать и есть главный теоретик и практик социалистического строительства. Но это ещё не всё. Раз Ф.М. считает Пушкина своим пророком, значит, и сам он под очарованием того же духа пребывает. Стремление к «всемирному счастью», увиденное Ф.М. в Алеко, потому и увидено им, что самому Ф.М. принадлежит. Можно даже сказать, что «всемирное счастье» нужно более писателю Ф.М., чем Алеко, и на том, что дешевле его, Ф.М. «не примирится, – конечно, пока дело только в теории».

Впрочем, и в теории социализма не обошлось без женщины. Алеко прельщён черноокой Земфирой. «Понятно, женщина, «дикая женщина», по выражению одного поэта, всего скорее могла подать ему надежду на исход тоски его, и он с легкомысленною, но страстною верой бросается к Земфире», - пишет далее Федор Михайлович, только мысли в голову Алеко влагает при этом неподходящие: «Вот, дескать, где исход мой, вот где может быть мое счастье, здесь, на лоне природы, далеко от света, здесь, у людей, у которых нет цивилизации и законов!» Разве с такими мыслями бросаются к женщинам? Разве к чернооким прибегают как к политическому убежищу? Впрочем, читаем дальше.

«Это все тот же русский человек (т.е. и социалист, и Алеко, - Г.С.), только в разное время явившийся. Человек этот, повторяю, зародился как раз в начале второго столетия после великой петровской реформы, в нашем интеллигентном обществе, оторванном от народа, от народной силы».

Опять прежнее недоумение возникает: если он оторван от народа, то по какому праву он называется русским? Он безродный интернационал, он лишён корней, он оторван от русского народа так, как француз от французского, немец от немецкого, англичанин от английского...

«Алеко, конечно, еще не умеет правильно высказать тоски своей: у него все это как-то еще отвлеченно, у него лишь тоска по природе, жалоба на светское общество, мировые стремления, плач о потерянной где-то и кем-то правде, которую он никак отыскать не может. Тут есть немножко Жан-Жака Руссо. В чем эта правда, где и в чем она могла бы явиться, и когда именно она потеряна, конечно, он и сам не скажет, но страдает он искренно. Фантастический и нетерпеливый человек жаждет спасения пока лишь преимущественно от явлений внешних; да так и быть должно: «правда, дескать, где-то вне его, может быть где-то в других землях, европейских, например, с их твердым историческим строем, с их установившеюся общественною и гражданскою жизнью». И никогда-то он не поймет, что правда прежде всего внутри его самого (обратим

особое внимание на эти слова Ф.М., - Г.С.), да и как понять ему это: он ведь в своей земле сам не свой, он уже целым веком отучен от труда, не имеет культуры, рос как институтка в закрытых стенах, обязанности исполнял странные и безотчетные по мере принадлежности к тому или другому из четырнадцати классов, на которые разделено образованное русское общество. Он пока всего только оторванная, носящаяся по воздуху былинка. И он это чувствует и этим страдает, и часто так мучительно!»

Что ж, посочувствуем вымышленному страдальцу вымышленным сочувствием. (*)

«И что же оказывается: при первом столкновении своем с условиями этой дикой природы он не выдерживает и обагрят свои руки кровью. Не только для мировой гармонии, но даже и для цыган не пригодился несчастный мечтатель, и они выгоняют его - без отмщения, без злобы, величаво и простодушно. «Оставь нас, гордый человек; \ Мы дики, нет у нас законов, \ Мы не терзаем, не казним».

Так вот где причина и тоски, и жалоб, и мировых стремлений, и плача о потерянной правде. Вот где собака зарыта. Гордость не даёт покоя этой оторванной от земли, носящейся по воздуху былинке.

«Все это, конечно, фантастично, но «гордый-то человек» реален и метко схвачен. В первый раз схвачен он у нас Пушкиным, и это надо запомнить. Именно, именно чуть не по нем, и он злобно растерзает и казнит за свою обиду, или, что даже удобнее, вспомнив о принадлежности своей к одному из четырнадцати классов, сам возопиет, может быть (ибо случалось и это), к закону терзающему и казнящему, и призовет его, только бы отомщена была личная обида его.

Точно. «Оставь нас, гордый человек; \ ... \ Ты для себя лишь хочешь воли».

«Нет, эта гениальная поэма не подражание! Тут уже подсказывается русское решение вопроса, «проклятого вопроса», по народной вере и правде: «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве», вот это решение по народной правде и народному разуму».

В отличие от Ф.М. я такой подсказки в решении «проклятого вопроса» (***) в поэме «Цыгане» не нахожу. Ни о смирении, ни об обращении к народной, т.е. православной вере в ней нет ни слова. «Но счастья нет и между вами, \ Природы бедные сыны! \ ... \ И всюду страсти роковые, \ И от судеб защиты нет» - вот и весь её вывод. Похоже, Федору Михайловичу очень хотелось увидеть эту подсказку, чтобы на ней основать своё «пророческое» слово, и он её увидел.

(*) «Это всего лишь типическая личность и не только пушкинских времен. Характер, взятый из среды русской интеллигенции», - сказали автору, желая несколько смягчить его цинизм. Что он ответил? Такой личности нет. А если такой личности нет, то кому сочувствовать? Своему сочувствию? Это всё равно что напиться пьяным и всем сочувствовать. Или же со всеми ругаться. Причём, сочувствие или ругань будут зависеть не от того, кто перед пьяницей, а от его настроения.

(***) Откуда взялось это выражение «проклятый вопрос»? Что оно значит? Неразрешимость или неотступность заставила некоторые вопросы называться проклятыми? Должен сказать, что за годы обучения в советской школе я так и не смог узнать причину именованья вопросов проклятыми, пока не открыл Священное Писание. *И сказал [Господь Каину]: что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей; когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле* (Быт.4:10-12). Рассмотрен «проклятый вопрос» и в Новом Завете. *Тогда речет и сущим ошуюю (Его): идите от Меня, проклятии, во огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его* (Мф.25:41).

Колыбель революции

«Это решение вопроса в поэме Пушкина уже сильно подсказано. Еще яснее выражено оно в «Евгении Онегине» (мнимое решение провозглашается ясным, - Г.С.), поэме уже не фантастической, но осязательно реальной, в которой воплощена настоящая русская жизнь (русская ли? нет, не русская, но российская жизнь – с таким определением описанной Пушкиным жизни я ещё соглашусь, но что в «Евгении Онегине» изображена русская жизнь – решительно не согласен. – Г.С.) с такою творческою силой и с такою законченностию, какой и не бывало до Пушкина, да и после его, пожалуй. Онегин приезжает из Петербурга, - непременно из Петербурга, это несомненно необходимо было в поэме, и Пушкин не мог упустить такой крупной реальной черты в биографии своего героя (заметим, что туда же, откуда приехал Евгений, уезжает Татьяна, - Г.С.). Повторяю опять, это тот же Алеко /.../ (иначе и быть не могло, потому что Алеко и Евгений суть образы одного первообраза, - Г.С.)».

«В глуши, в сердце своей родины, он, конечно, не у себя, он не дома. Он не знает, что ему тут делать, и чувствует себя как бы у себя же в гостях. Впоследствии, когда он скитается в тоске по родной земле и по землям иностранным, он, как человек бесспорно умный и бесспорно искренний, еще более чувствует себя и у чужих себе самому чужим. Правда, и он любит родную землю, но ей не доверяет. Конечно, слышал и об родных идеалах, но им не верит. Верит лишь в полную невозможность какой бы то ни было работы на родной ниве, а на верующих в эту возможность, - и тогда, как и теперь, немногих, - смотрит с грустною насмешкой. Ленского он убил просто от хандры, почем знать, может быть от хандры по мировому идеалу (читай: от гордости, - Г.С.), - это слишком по-нашему, это вероятно. Не такова Татьяна: это тип твердый, стоящий твердо на своей почве. Она глубже Онегина и, конечно, умнее его. Она уже одним благородным инстинктом своим предчувствует, где и в чем правда, что и выразилось в финале поэмы. Может быть, Пушкин даже лучше бы сделал, если бы назвал свою поэму именем Татьяны, а не Онегина, ибо бесспорно она главная героиня поэмы».

Если бы Пушкин назвал поэму именем Татьяны, тогда я, быть может, поверил бы в «подсказку» решения в ней «проклятого вопроса» по-русски, которую так хочет видеть в пушкинском творчестве Ф.М., а именно: «Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве», вот это решение по народной правде и народному разуму. «Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой, и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою. Победишь себя, усмиришь себя - и станешь свободен, как никогда и не воображал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь, наконец, народ свой и святую правду его. Не у цыган и нигде мировая гармония, если ты первый сам ее недостоин, злобен и горд, и требуешь жизни даром, даже и не предполагая, что за нее надобно заплатить». Кому заплатить? Разумеется, Богу. Странно, что этого краткого слова не дописал сам Ф.М.? Но, может, потому и не дописал, что оно само собой разумеется?

Но Пушкин не назвал роман «Татьяна Ларина», и подсказки «смирись», усердно подсказываемой Достоевским, не мог дать своим читателям уже потому, что она не отвечала духу, увлекшему душу поэта. Десятая, или декабристская глава «Евгения Онегина», а также глава онегинских путешествий перечёркивают все старания Ф.М. убедить меня в существовании несуществующей подсказки. Скажу более, Пушкину, чтобы сказать читателю «смирись», чтобы жизненно выстрадать, а не умом только понять суть смирения, надо было, как Достоевскому, побывать на каторге, а не в творческой командировке в Михайловском. Впрочем, пример писателя Ф.М. здесь неуместен не столько потому, что образы смирения скорее дадут нам жития святых, нежели биография Ф.М., сколько потому, что самим Федором Михайловичем, как мы это увидим дальше, истина о смирении была выстрадана не до конца, не до полной чистоты обжигаемого в огненной печи золота. Потому как, для того, чтобы сказать читателю «смирись», чтобы выжечь, выскоблить, вытравить пушкинский дух... простите, я

увлётся, - чтобы пленить и в *послушание Христу* (2 Кор.10:5) привести пушкинский дух гордыни, словно яд, разлитый по народному телу, нужна была уже не царская каторга, но советский концлагерь. И даже не советский концлагерь, но советский крах.

Но что Татьяна? Она ведь тоже, как и Онегин, происходила из верхнего слоя общества. Что же она?

«Это положительный тип, а не отрицательный, это тип положительной красоты, это апофеоза русской женщины, и ей предназначил поэт высказать мысль поэмы в знаменитой сцене последней встречи Татьяны с Онегиным. Можно даже сказать, что такой красоты положительный тип русской женщины почти уже и не повторялся в нашей художественной литературе - кроме разве образа Лизы в «Дворянском гнезде» Тургенева. Но манера глядеть свысока сделала то, что Онегин совсем даже не узнал Татьяну, когда встретил ее в первый раз в глуши (дело не «в глуши», а в том, что гордость и все другие страсти ослепляют ум, а смирение как путь к бесстрастию, даруемого Богом, просветляет его, - Г.С.), в скромном образе чистой, невинной девушки, так оробевшей пред ним с первого разу. Он не сумел отличить в бедной девочке законченности и совершенства и действительно, может быть, принял ее за «нравственный эмбрион». Это она-то эмбрион, это после письма-то ее к Онегину! Если есть кто нравственный эмбрион в поэме, так это, конечно, он сам, Онегин, и это бесспорно. Да и совсем не мог он узнать ее: разве он знает душу человеческую? Это отвлеченный человек, это беспокойный мечтатель во всю его жизнь. Не узнал он ее и потом в Петербурге, в образе знатной дамы, когда, по его же словам в письме к Татьяне, «постигал душой все ее совершенства». Но это только слова: она прошла в его жизни мимо него не признанная и не оцененная им; в том и трагедия их романа. О, если бы тогда, в деревне, при первой встрече с нею, прибыл туда же из Англии Чайльд-Гарольд или даже, как-нибудь, сам лорд Байрон и, заметив ее робкую, скромную прелесть, указал бы ему на нее, - о, Онегин тотчас же был бы поражен и удивлен, ибо в этих мировых страдальцах так много подчас лакейства духовного! (Великолепно сказано, но мы уточним, откуда берётся духовное лакейство в «этих мировых страдальцах»: от чёрной повязки на глазах и от чужого ума вместо своего, - Г.С.). Но этого не случилось, и искатель мировой гармонии, прочтя ей проповедь и поступив все-таки очень честно, отправился с мировую тоской своею и с пролитую в глупенькой злости кровью на руках своих скитаться по родине, не примечая ее, и, кипя здоровьем и силою, восклицать с проклятиями: «Я молод, жизнь во мне крепка, / Чего мне ждаться, тоска, тоска!» Это поняла Татьяна. В бессмертных строфах романа поэт изобразил ее посетившею дом этого столь чудного и загадочного еще для нее человека. Я уже не говорю о художественности, недостижимой красоте и глубине этих строф».

Перед нами признание, выдающее книжную душу писателя Достоевского, который, назвав строфы бессмертными, тут же добавляет им недостижимую красоту и глубину, как будто мало им бессмертия. О чём же строфы? О посещении Татьяной барского дома Онегиных. Пустой и пыльный дом с нежилыми комнатами, озарёнными под конец Таниных гостин лунным светом... Что здесь особенного? Разве что мастерское описание? Но у Пушкина все описания мастерские. Странно, что изображениям природы, связанным с Татьяной, Достоевский предпочитает изображение безжизненного дома. Бессмертными строфами романа вместо сцен знакомства Татьяны с онегинским домом я бы назвал сцены её прощания с природой: «Простите, мирные долины, / И вы, знакомых гор вершины, / И вы, знакомые леса; / Прости небесная краса, / Прости, весёлая природа; / Меняю милый, тихий свет (*) / На шум блистательных сует... / Прости ж и ты, моя свобода! / Куда, зачем стремлюся я? / Что мне сулит судьба моя?»

(*) Может статься, что слова «тихий свет» были услышаны Пушкиным в богослужебном песнопении «Свете Тихий...».

В этой прощальной песне уже слышен плач последнего поэта деревни в его «Сорокоусте». В ней слышен плач самого русского крестьянства в год «великого перелома» (1927) его жизни. Этот плач до конца выплывают советские деревенщики в их прозе. А сейчас так плакать некому,

т.к. связанной с народом интеллигенции нет, потому что самого народа, кровно связанного с землей, по сути, тоже нет.

Кабинет, где Татьяна будет постигать онегинскую душу, читая собранные им книги, не представляет собой ничего особенного. «И стол с померкшею лампадой, / И груды книг, и под окном / Кровать, покрытая ковром...» Однако ж, отличительная особенность кабинета в том и состоит, что он мог бы находиться в любой части мира без особых изменений. В Петербурге, в Париже, в Лондоне он был бы у Онегина таким же. Этот кабинет не связан с внешним миром, поскольку существует в самом себе. (*) И неужели в этом замкнутом мире Достоевский предполагал отыскать правду, когда назидательно говорил Алеко, Евгению и всем социалистам-дворянам: «Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой, и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою»?

Это всё так и в то же время не так. Потому что трудиться над собой, конечно, надо, но гораздо важнее, чтобы благодать Божия трудилась над человеком. *Благодатию Божиею есмь то, что есмь* (1Кор.15:10), - говорит Апостол Павел о причинах своего чудесного превращения из гонителя церкви в её Апостола. Благодать же подаётся в Таинствах Церковных. (**)
«Не вне тебя правда, а в тебе самом».

Правда – в Церкви, которая есть *столп и утверждение истины* (1Тим.3:15). Пойди в церковь, брось, наконец, эту возню с самим собой и со своими книгами, и там, с помощью Божией, овладеешь собой и узришь правду. Трудясь над своим внутренним устройством, увидишь с помощью Божией истинное солнце Правды – Христа Бога. Проси помощи у Него в своём исправлении. Проси не перед лампадой (***) , стоящей на твоём письменном столе, но перед горящей у Его иконы церковной лампы.

Ничего этого Ф.М. не говорит, но будем надеяться, что подразумевает, когда говорит о некой «народной правде»: «Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве, вот это решение по народной правде и народному разуму».

(*) Сжигая дворянские усадьбы в революционные годы, крестьяне едва ли мстили своим эксплуататорам и насильникам, как об этом эмоционально пишет А.А. Блок в статье «Интеллигенция и революция». Веками стояли русские дворянские гнёзда не на вершинах гор и не за многометровыми каменными стенами, как стояли они в европейских странах, укрывая феодалов от своего народа. Нет, русские феодалы не прятались, но открыто и безбоязненно жили среди неописуемой красоты лугов, холмов, лесов, посреди своих крепостных, которые и были им крепостью. Пуская потом в эти усадьбы «красного петуха», крестьяне очищали сельский мир от европейской чуждости, которую они в них ощущали, и которая с петровских времён заползла и до краёв размножилась в них. «Так, может, и Петра надо было бы вытащить из гроба и сжечь? А народ, шурующийся огоньком, это у вас носитель истины?» - спросили автора. Что он ответил? Не сам по себе народ сжёт, но Бог попустил народу сжечь усадьбы. Эту разницу надо понимать. А сжечь или не сжечь Петра – это тоже не от народа зависит. Если Петр был оставлен, и на его мощах выросло безбожное Советское государство, значит, оставлена нам пока что от Бога возможность покаяния. Не будет покаяния – будет сожжён и Петр, т.е. вся петровско-советская Россия до основания.

(**) «Где такой догмат прописан?» - спросили автора. Как где? В 4-ом «верую» Символа веры сказано: верую в Церковь... И потом: кому церковь не мать, тому Бог не Отец. Но лучшим

ответом на ваш вопрос являются слова Господа: *где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф.18:20).

(***) «Типично масонские символы: солнце, тьма, лампада, разум - стали благодаря поэзии Пушкина расхожими и популярными. «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» Масоны - дети эпохи просвещения - слишком верили в силу разума. Эта вера не оставляла Пушкина никогда». К.Кедров. Под градусом Пушкина. «Надо было вам Кедрова целиком перепечатать в качестве предисловия своей книги, - заметили автору читатели. - Он много больше вам дал, нежели вы скромно на него ссылаетесь 5-7 раз. А, говорят, сам Кедров масон?» Что тут отвечать? Православные литературоведы не то чтобы писать, слушать ничего не хотят, и только обморочно закатывают глаза, когда им говорят, что Пушкин – масон. Вот и остаётся священнику к масонам за помощью обращаться, и писать поспешу и небрежно то, что православные литературоведы, если они на деле, а не на словах только православные христиане, сами должны усердно говорить.

Чего-чего, а правды о себе да и любой другой правды в собственном кабинете Онегин не отыскал бы никогда. Зато Татьяна её отыскала. «Уж не пародия ли он?» Точно, Онегин это – пародия, или в буквальном переводе с греческого: «песня наоборот». Ум наоборот, душа наоборот, жизнь наоборот, всё наоборот. Кого же пародирует Онегин? Нет, он сам не пародирует. Напротив, он, как прилежный ученик, копирует пародистов – литературных героев Байрона и др. А вот те уже знают, что делают, те уже сознательно пародируют, т.е. перепевают наоборот. Кого же?

Обезьяной Бога назван диавол. Оторванный от Бога, не имеющий самостоятельной творческой силы, он способен только к подражанию, паразитизму и производству масок. Солнце, свет, тьма, лампада, разум и другие образы суть словесные пародии, если понимаются иначе, чем учит их понимать церковь, т.е. Бог через Свою Православную Церковь. Но как Татьяне удалось разгадать Онегина? Опять мы вынуждены уточнить, что речь идёт о литературных масках Пушкина, и задать этот вопрос в ином виде: как маске по имени «Татьяна» удалось разгадать маску по имени «Онегин»? И в таком виде поставленный вопрос в самом себе заключает ответ: так захотел создатель масок. Но послушаем, что говорит нам Ф.М.

«И как прежде Алеко к Земфире, так и он устремляется к Татьяне, ища в новой причудливой фантазии всех своих разрешений. (Фантазия стремится к фантазии. Это ли не ужас положения, в котором находится всякий литератор, и в котором оказываемся мы, когда забываем о том, что литература это выдумка? - Г.С.). Да разве этого не видит в нем Татьяна, да разве она не разглядела его уже давно? Ведь она твердо знает, что он в сущности любит только свою новую фантазию, а не ее, смиренную, как и прежде, Татьяну! Она знает, что он принимает ее за что-то другое, а не за то, что она есть, что не ее даже он и любит, что, может быть, он и никого не любит, да и не способен даже кого-нибудь любить, несмотря на то, что так мучительно страдает! Любит фантазию, да ведь он и сам фантазия. Ведь если она пойдет за ним, то он завтра же разочаруется и взглянет на свое увлечение насмешливо. У него никакой почвы, это былинка, носимая ветром. Не такова она вовсе: у ней и в отчаянии и в страдальческом сознании, что погибла ее жизнь, все-таки есть нечто твердое и незыблемое, на что опирается ее душа. Это ее воспоминания детства, воспоминания родины, деревенской глуши, в которой началась ее смиренная, чистая жизнь, - это «крест и тень ветвей над могилой ее бедной няни». О, эти воспоминания и прежние образы ей теперь всего драгоценнее, эти образы одни только и остались ей, но они-то и спасают ее душу от окончательного отчаяния. И этого не мало, нет, тут уже многое, потому что тут целое основание, тут нечто незыблемое и неразрушимое. Тут соприкосновение с родиной, с родным народом, с его святынею. А у него что есть, и кто он такой? Не идти же ей за ним из сострадания, чтобы только потешить его, чтобы хоть на время из бесконечной любовной жалости подарить ему

призрак счастья, твердо зная наперед, что он завтра же посмотрит на это счастье свое насмешливо. Нет, есть глубокие и твердые души, которые не могут сознательно отдать святыню свою на позор, хотя бы и из бесконечного сострадания. Нет, Татьяна не могла пойти за Онегиным».

Итак, в противовес Онегину, типу бесспорно отрицательному, типу мятежного скитальца, Пушкин создаёт образ верности и правды в лице Татьяны. В ней поэт воплощает «нечто твердое и незыблемое», на что может опереться душа читателя, а именно, связь «с родиной, с родным народом, с его святынею». Но взгляды в это лицо и увидим, что оно – личина. О, ужас, Татьяна – маска, созданная тем же мастером, что и маска Онегин.

Fare thee well, Александр Сергеевич

Читаем далее пушкинскую речь. «Итак, в «Онегине», в этой бессмертной и недостижимой поэме своей, Пушкин явился великим народным писателем (надо всё же уточнить, что Пушкин в «Онегине» явился великим народным писателем «верхнего» народа; смотри следующее предложение Достоевского, - Г.С.), как до него никогда и никто. Он разом, самым метким, самым прозорливым образом отметил самую глубь нашей сути, **нашего верхнего над народом стоящего общества** (выделено мной, - Г.С.). Отметив тип русского скитальца, скитальца до наших дней и в наши дни, первый угадав его гениальным чутьем своим, с исторической судьбой его и с огромным значением его и в нашей грядущей судьбе, рядом с ним поставив тип положительной и бесспорной красоты в лице русской женщины».

Что ж, давайте и мы попробуем помыслить типами, т.е. образами, масками, сюжетами и прочими «откровениями» литературы, т.е. попробуем считать её «пророчеством», а литераторов – «пророками». Давайте, предположим, что Пушкин не только для Достоевского, но и для нас, воцерковлённых православных христиан, пророк, с тем чтобы, поговорить о возможных «откровениях», которые Пушкин в «дали» своего романа «сквозь магический кристалл /.../ различал». (*) Ведь отметил же он, Пушкин, «самым прозорливым образом самую глубь нашей сути», как говорит Достоевский. Под «нашей сутью» нужно, конечно, понимать суть «нашего верхнего над народом стоящего общества», т.е. голову народного тела. Впрочем, это и есть «наша суть», поскольку куда ведёт голова, туда идут и ноги.

(*) «Восьмерка на боку была символом бесконечности. Поэтому из десяти глав своего великого романа он оставил восемь, а в финале возникает любимый символ поэта - жизнь как недопитый кубок. По сути Пушкин совершает здесь поэтическое открытие - создает роман с бесконечной перспективой в финале. Здесь же вспоминает он об излюбленной масонской медитации - созерцании магического кристалла. Вряд ли сам Пушкин занимался подобными упражнениями. Зато возник образ: «И даль свободного романа / Я сквозь магический кристалл / Еще не ясно различал». К. Кедров. Под градусом Пушкина.

Мы отстоим от времени провозглашения Пушкина пророком на 130 лет и от времени написания романа на 180 лет. Должны же мы видеть, что пророческого изрёк Пушкин? Что из предреченного им сбылось, а что не сбылось? И уже из этого заключить: лживый он пророк или истинный, ибо во все времена так только о пророках и судили, правду они говорят или нет, можно им верить или нельзя.

Итак, тип «русского скитальца» отмечен Пушкиным гениально. (*) Только для нас, пытающихся предельно широко взглянуть на поэму, это тип не просто «русского скитальца»,

но гордого и оторвавшегося от Бога духа, живущего придуманной жизнью. Так же и с Татьяной. Если для Достоевского Татьяна – «тип положительной и бесспорной красоты», то для нас она – образ живущей по Божьим заповедям добродетели.

«Татьяна не могла пойти за Онегиным», - пишет Достоевский. Да, Татьяна не пошла за Онегиным, зато её дочери пошли за Печориным, Базаровым, Ставрогиным, Левиным и прочими онегинскими подражателями. Так правда ли, что Татьяна не пошла за Онегиным? Вроде бы правда, но на самом деле нет, потому что дочери Татьяны, родившись и выросши в Петербурге, устремились за новыми «песнями наоборот», всё более забывая свою связь с «родиной, с родным народом, с его святынею», забывая как раз то, что Ф.М. называет «незыблемым и нерушимым»? Что же предугадал Пушкин? Что предрёк? Выходит, что ничего, если в выводе, который делает Достоевский из романа Пушкина, мы никакого пророчества не видим.

«Но, позвольте, о дочерях Татьяны в романе нет ни слова, - возразит читатель. - Почему же вы решили, что какие-то онегинские подражатели обманули каких-то её дочек?»

Повторяю, мы смотрим на Онегина и Татьяну уже не как на литературные персонажи, но как на предельно широкие образы, названные этими именами. И при таком их рассмотрении мы видим, что Татьяна пошла таки за Онегиным, потому что из последующей после Пушкина истории мы знаем, что жившая по Божиим заповедям жизнь пошла вслед за безбожной жизнью. Или, говоря в типах Достоевского, «красота» пошла за «скитальцем» и в 1917 году была обманута и соблазнена им. Значит, никакого пророчества в романе нет, напротив, есть лжепророчество.

Теперь о смирении как о решении «проклятого вопроса» по-русски, которое так хочет видеть Достоевский в творчестве Пушкина. Есть ли оно там? Давайте посмотрим на факты, а не на горы книг, написанных о Пушкине. Что же мы видим в недавней нашей истории? Превознесённую до небес гордость во всём: от первого космонавта и крупнейших в мире ГЭС до самого передового строя на земле, построенного советским народом. Мы видим вместо *егда зван будеши, шед сяди на последнем месте* (Лк.14:9), фарисейское желание сесть на виду всего мира. Значит, Божественной мудрости о том, что *всяк возносяйся смирится, и смиряйся вознесется* (Лк.14:11) «пророк» Пушкин тоже свой народ не научил. (**)

(*) Один читатель подчеркнул слова «отмечен Пушкиным гениально». Что же удивило читателя? Несоответствие этих слов антипушкинскому настрою идущего «В Зосимину пустынь» автора? Но автор не отрицает гениальности поэта Пушкина, он только хочет знать, откуда она?

(**) «Да уж, и за всех царей, императоров, и державных владык пусть тоже ответит: они ведь империю строили, возносились, стало быть...», - заметили автору. Замечание не принимается. Цари и императоры делали то, что и должны были делать – строили государство. А писатели и идеологи должны были учить народ единственному истинному учению – Священному Писанию и Преданию, а не своим выдумкам.

«Татьяна не могла пойти за Онегиным», - пишет Достоевский. Но Татьяна не пошла за Онегиным, так сказать, телом, будучи верна мужу (без разницы какому: «все жребии равны»), сердцем же она пребывала с Онегиным, потому что любила его.

Пишу эти слова и думаю, что я пишу? Какая Татьяна? Какая любовь? Какой муж? Ведь ничего этого никогда не было. Всё придумано, всё насквозь лживо, а я в этой лжи хочу какую-то правду увидеть. Бред. Что бы такое сделать, чтобы отгородиться от выдуманного мира литературы и не пачкаться им? Может, на каждое слово ставить кавычки, чтобы дальше кавычек ложь не распространялась? «Татьяна» «полюбила» «Онегина»... Эдак, окончательно запутаешься в кавычках, как в дремучем лесу, поэтому допишем до вывода без кавычек.

Татьяна полюбила Онегина ещё не зная, что он пародия. Но когда она это узнала, и когда поняла, что он любит не её, но «фантазию, да ведь он и сам фантазия. Ведь если она пойдет за ним, то он завтра же разочаруется и взглянет на свое увлечение насмешливо. У него никакой почвы, это былинка, носимая ветром», то почему Татьяна продолжала любить «былинку»? Почему умная женщина любила пародию? О чём-то же это говорит? О чём же? О родстве их душ.

Чувство любви недоступно пониманию. Потому что, если действительно любят, то даже не знают, за что и почему. Любят при изъянах и пороках. Любят себе в ущерб и на беду. Но объяснение у любви всё-таки есть: любят всегда – своё.

Выше мы говорили, что Евгений и Татьяна суть оттиски одной духовной печати. «Сердце» «Татьяны» изначально принадлежало тому первообразу, который отразился в образе «Евгения». Поэту Пушкину потому было позволено создание положительного образа Татьяны отрицательным первообразом, чтобы ввести читателя в заблуждение, даже такого вдумчивого, как Ф.М.Достоевский, не разглядевшего, что маска «Татьяна» и маска «Евгений» суть уроки одного учителя. Но спрашивается, может ли учитель, задающий пародийные уроки, серьёзно говорить о будущем? Может ли насмешливый дух знать, что будет, как знают это Ангелы и Пророки, слушающие слово Божие? Не может. Вот, стало быть, и пришли мы к выводу. Не хотели довольствоваться Пушкиным-поэтом, хотели пророка? Получите Пушкина-лжепророка.

Тут же возникает вопрос: чего хотел наш лжепророк, пища роман? Подумать только, годами он выделял маски Татьяны и Евгения и всю свою жизнь жил в мире фантазий, и сочинял, сочинял, сочинял... Зачем он выдумал Онегина и Татьяну? Зачем восемь лет трудился? Чтобы только посмеяться над читателями? Те ему деньги, славу и обожание, а он им кукиш в кармане? Причём, счёт обманутых читателей можно вести на миллионы.

А то, что существо романа, быть может, не в татьяне и не в евгении, но в какой-то зашифрованной проказе гения, заставляет думать история с количеством глав, их восемь. Поэт, как говорят пушкинисты, задумывал написать двенадцать глав. Написал десять, и из десяти оставил восемь. Восемь лет (опять эта цифра) упорного труда и развязка в три строфы? Что бы это могло значить?

Но остановим себя встречным вопросом: может, мы сами уже выдумываем лишнее, увлекшись разгадыванием несуществующих шифрограмм? Однако то, что производимый нами поиск сокровенного смысла в количестве глав романа является не досужим вымыслом, но нащупыванием сердечного биения всего пушкинского творчества, подтверждает окончание 7-ой главы. По загадочности оно под стать окончанию всего романа.

«Но здесь с победою поздравим / Татьяну милую мою / И в сторону свой путь направим, чтоб не забыть о ком пою.../ Да кстати, здесь о том два слова: / Пою приятеля младого / И множество его причуд. / Благослови мой долгий труд, / О ты, этическая муза! /.../ Довольно. С плеч долой обуза! / Я классицизму отдал честь: / Хоть поздно, а вступленье есть» (везде курсив Пушкина, - Г.С.).

Почему же «в сторону свой путь направим», а не по главному пути, если поэма об Евгении? Что такое «множество его причуд»? Одно из двух: либо Пушкин называет убийство

Ленского и разбитые сердца «причудами», либо под «приятелем младым» подразумевает кого-то другого, не Евгения? Какая «с плеч долой обуза»? Зачем целых семь глав отдавать «честь классицизму»? Какой «мой долгий труд»? Совершённый или предстоящий? Если совершённый, то кто же так делает: сперва совершает «долгий труд», а потом просит на него благословения? А если предстоящий, то какой же он «долгий»: всего одна глава? Какое и куда вступление, если позади уже 7-мь глав романа при общем их количестве 8-мь? Зачем многие слова этой строфы выделены автором курсивом? В общем, сплошные вопросы. А если обратимся к началу 8-ой главы, то вопросов ещё прибавится. (*)

Начало 8-ой главы посвящено описаниям нарядов пушкинской музы. Описаны студенческая муза, являвшаяся «при кликах лебединых» (1), муза-вакханочка, муза-Ленора... Этот последний образ привёл меня в недоумение. Вот что пишет Пушкин: «Она Ленорой при луне, / Со мной скакала на коне!» В редакторском комментарии на этот стих сказано: «Ленора – героиня знаменитой баллады немецкого поэта Бюргера, переведённой Жуковским. В этой балладе описывается, как Ленора скачет на коне вместе со своим мёртвым женихом». Выходит, Пушкин сравнивает себя с мёртвым женихом своей музы? Что это? Зачем поэт, тщательно отбирающий каждое слово, рисует этот страшный образ, который для христианина непотребно читать?

(1) Не эта ли муза продиктовала студенту Царскосельского лицея Александру Пушкину:
Самовластительный злодей,
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу?

Если эта муза была вдохновительницей сих стихов, то Пушкин спутал клики лебединые с кликами революционными.

208.священник Георгий Селин: Re: Загадка 2037 года 2013-02-05 в 16:00

Ещё я хотел заметить, дорогие форумчане, что, когда на форум была представлена строфа Пушкина

«Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу».

то никто из нас не обратил внимания, как страшно и бесчеловечно она звучит. Зато в обилии посыпались догадки, к кому она обращена: к Наполеону, к императорам Павлу Петровичу, Александру Павловичу, Николаю Александровичу (по свидетельству Федотова)... Но, дорогие форумчане, к кому бы ни была обращена эта строфа, подумайте, как она чудовищна. Если бы кто-либо из нас, форумчан, к кому-либо здесь на форуме с последними двумя строками этой строфы обратился, то что было бы? Международный скандал или обращение в Следственный комитет России. Или нам так нельзя выражаться, а Пушкину можно? Потому что он гений и пророк.

(С форума РНЛ стр.1.)

Далее идёт описание музы, которая «...позабыв столицы дальней / И блеск и шумные пиры, / В глуши Молдавии печальной / Она смиренные шатры / Племян бродящих посещала, / И между ими одичала, / И позабыла речь богов / Для скудных, странных языков, / Для песен степи, ей любезной...»

«Смиренный шатёр» не кишинёвская ли ложа? «Племена бродящие» не братья ли масоны? «Классицизм» не христианство ли? «Речь богов» не язык ли церкви и Священного Писания?

«Скудные, странные языки» не символы ли и знаки масонские? Что значит, наконец, выражение «эпическая муза» в 7-ой главе? Не эта ли муза явилась поэту в образе серафима? Не с этой ли музой «душа в заветной лире мой прах переживёт...»? Подумать только, не со Христом и не во Христе, но в «заветной лире» душа поэта «тленья убежит»... (***) И что значит выражение «заветная лира»? Поэт с лирой заключил завет? Новый, ветхий, масонский?

Наконец, муза является поэту «...барышней уездной, / С печальной думою в очах, / С французской книжкою в руках». Надо полагать, здесь говорится о Татьяне.

«русскою душой»?

Ниже приводимые стихи из романа, говорят какова была эта «русская» душа

В	пятой	главе	он	возникает:
XXII				
Но	та,	сестры	не	замечая,
В	постеле	с	книгою	лежит,
За	листом		лист	перебирая,
И	ничего		не	говорит.
Хоть	не	являла	книга	эта
Ни	сладких		вымыслов	поэта,
Ни	мудрых	истин,	ни	картин;
Но	ни	Виргилий,	ни	Расин,
Ни	Скотт,	ни	Байрон,	ни
Ни	даже	Дамских	Мод	Журнал
Так	никого		не	занимал:
То	был,	друзья,	Мартын	Задека,
Глава		халдейских		33
Гадатель,		толкователь		мудрецов,
				снов.
XXIII				
Сие		глубокое		творенье
Завез		кочующий		купец
Однажды	к	ним	в	уединенье
И	для		Татьяны	наконец
Его	с		разрозненной	Мальвиной
Он	уступил	за	три	с
В	придачу	взяв	еще	за
Собрание		басен		площадных,
Грамматику,		две		Петриады,
Да	Мармонтеля		третий	том.
Мартын	Задека		стал	потом
Любимец	Тани...		Он	отрады
Во	всех	печалях	ей	дарит
И	безотлучно	с	нею	спит.
XXIV				
Ее		тревожит		сновиденье.
Не	зная,	как	его	понять,
Мечтанья		страшного		значение
Татьяна		хочет		отыскать.
Татьяна	в		оглавление	кратком
Находит		азбучным		порядком
Слова:	бор,	буря,	ведьма,	ель,

<i>Еж,</i>	<i>мрак,</i>	<i>мосток,</i>	<i>медведь,</i>	<i>метель</i>
<i>И</i>	<i>прочая.</i>		<i>Ее</i>	<i>сомнений</i>
<i>Мартын</i>	<i>Задека</i>		<i>не</i>	<i>решиит;</i>
<i>Но</i>	<i>сон</i>	<i>зловещий</i>	<i>ей</i>	<i>сулит</i>
<i>Печальных</i>		<i>много</i>		<i>приключений.</i>
<i>Дней</i>	<i>несколько</i>		<i>она</i>	<i>потом</i>
<i>Всё</i>	<i>беспокоилась</i>		<i>о</i>	<i>том.</i>

Примечание Пушкина 33: Гадательные книги издаются у нас под фирмою Мартына Задеки, почтенного человека, не писавшего никогда гадательных книг, как замечает Б. М. Федоров.

Некий (можно сказать, Евгений Онегин=о неких, о таинственных неких тут рассказывает) Задека занимает в романе больше места (аж трижды упоминается), чем почивший в Бозе дядя, который «самых честных любил править», т.е. был авторитетом в законе среди определенного рода публики. «Что за комиссия, Создатель?» Что за Задека такой-растакой? Да еще девушка дает за этого Задеку кочующему купцу немалые деньги, и тот становится ее любимцем и «безотлучно с нею спит». Немного странноватая девушка, согласитесь? Пушкин о Задеке говорит, что тот - «глава халдейских мудрецов». В примечании, правда, пугается, что высветил этого халдейского, можно сказать, сионского мудреца, и отмазывается: «этот почтенный человек не писал никогда гадательных книг».

Мартын-то он Мартын и Задека-то он Задека. Да только в пушкинской транскрипции. А так это Мартин Цадик, в переводе с иврита — праведный. Книга была переведена с немецкого, а там эта фамилия пишется Zadek. А это уже больше, чем фамилия, типа: Коган, Рабинович. Скорее, даже не должность или звание, а статус. Через греческий язык пришло как саддукей, но осторожный переводчик перевел эту фамилию не в древнегреческой транскрипции — Саддок, священник царя Давида. Глава синедриона Каифа, преследовавший Христа и апостолов, тоже был саддукеем. Цадок - <http://www.eleven.co.il/article/14586>

Посмотрим, что нам прокомментируют за Задеку лица пушкиноманской национальности:

1. Ю.М.Лотман. <http://www.all-art.org/literature/onegin/5.htm>
 - То был, друзья, Мартын Задека... - Примечание П: «Гадательные книги издаются у нас под фирмою Мартына Задеки, почтенного человека, не писавшего никогда гадательных книг, как замечает Б. М. Федоров» (VI, 194). Примечание представляет собой полемический ответ на нападки рептильного литератора Б. Федорова в его журнале «Санктпетербургский зритель» (кн. I, 1828). Мартын (Мартин) Задека - вымышленное лицо, якобы жившее в XI в. и являвшееся после смерти с загробными пророчествами (см.: Набоков, 2. 514-516). Приписываемая ему книга, - видимо, перевод с немецкого: «Древний и новый всегдашний гадательный оракул, найденный после смерти одного шестидесятилетнего старца Мартина Задека, по которому узнавал он судьбу каждого чрез круги счастья и несчастья человеческого, с присовокуплением Волшебного зеркала или толкования слов; также правил Физиогномии и Хиромантии, или Наук как узнавать по сложению тела и расположению руки или чертам свойства и участь мужского и женского пола с приложением его же Задека предсказания любопытнейших в Европе происшествий, событием оправданное, с прибавлением Фокус-Покус и забавных загадок с отгадками». М., 1814. В 1821 г. вышло уже третье издание. 16 сентября 1827 г. А. Н. Вульф, посетив П в Михайловском, отметил в дневнике, что видел у него на столе «изъяснение снов, скрывшееся в полдюжине альманахов» (Пушкин в воспоминаниях современников, 1, 415). П, видимо, пользовался этой книгой и после написания пятой главы ЕО. Сочинения Мартына Задеки воспринимались в кругу образованных современников П как курьез, однако были известны. В 1824 г. декабрист Батеньков в письме А. А. Елагину в свойственной ему шутиливой манере извещал, что в 1825 г. непременно решил жениться «паче всего потому, что Мартын Задека, великий Альберт и г. Брюс предрешают единогласно рождение в 1826 году необыкновенного отрока...» (Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толля. М., 1936, с. 147).

2. В.В.Набоков <http://www.all-art.org/literature/onegin/5.htm>
 Мартын Задека. Я склонен рассматривать этот персонаж как искусственное создание, сфабрикованное в 1770 г.

анонимным составителем астрономических таблиц германо-швейцарского происхождения, который, по-видимому, производил имя своего «мудреца» от раввинского звания «цадик», означающего «особо праведный», или от Садов, имени одного священника времен царя Соломона, или от Седекия, «fameux cabaliste» ««знаменитый каббалист», в правление Пипина Короткого (восьмой век) доказавшего глумившимся над ним, что стихии населены силфами, которым он порекомендовал показаться людям, что они и сделали, плывя в роскошных воздушных кораблях (как уверяет аббат Монфокон де Вийар в романе, направленном против розенкрейцеров «Граф Габалис, или Беседы о тайных науках», Париж, 1670). В университетской библиотеке Базеля имеется сборник памфлетов восемнадцатого века с надписью «His-torische Schriften» <<Исторические сочинения>> на форзаце и «Varia historica» <<Исторические труды>> на обложке (каталогизированный как Leseges. Brosch. № 17). Мадемуазель Эжени Ланг, библиотекарь Швейцарской национальной библиотеки, любезно предоставила мне возможность ознакомиться с фотокопией четвертого памфлета из этой серии. Это брошюрка на четырех страницах с заголовком «Wunderbare und merkwürdige Prophezeyung des berühmten Martin Zadecks, eines Schweitzers bey Solo-thurn der im 106ten Jahr seines Alters, vor seinem Tode den 20. Dezember, und nach seinem Tode den 22ten Dez. 1769, in Gegenwart seiner Freunde Prophezeyet hat, auf gegenwartige und zukunfftige Zeiten». <<Чудесное и достопримечательное предсказание знаменитого Мартина Цадека, швейцарца, родившегося вблизи Золотурна, который на 106-м году жизни составил предсказание перед своей смертью 20 декабря и после своей смерти 22 декабря 1769 г., в присутствии своих друзей, на нынешние и будущие времена>>. В брошюре дается краткое описание его жизни (он удалился в Альпы в 1739 г., питался травами в течение тридцати лет в полном одиночестве и умер в бедной хижине неподалеку от Солёра) и его предсказаний, сделанных им на смертном одре — (таких, как распад Турецкой империи, грядущий расцвет Скандинавии и России, ослепительное величие Данцига, завоевание Италии Францией, полное покорение Африки тремя северными народами, разрушение большей части Нового Света в результате различных катаклизмов и конец света в 1969 г.). Брошюра эта, по всей видимости, имела широкое распространение; различные варианты ее были включены в целый ряд сборников с текстами мистического содержания, немецких и русских. Имя Мартин Цадек (по-русски писавшееся как Мартын Задек или Мартын Задека) стоит в одном ряду с именами Тихо Браге и Иоганна Каспара Лафатера на титульном листе «Оракула», изданного в трех книгах, насчитывающего 454 страницы и вышедшего в 1814 г. в Москве, после чего последовало еще множество изданий, таких как «Древний и новый всегдашний гадательный оракул, найденный после смерти одного стошестилетнего старца Мартына Задека», Москва, 1821 ; «Новый полный оракул и чародей», содержащий главы «Толкование снов» и «Предсказания Брюса и Задеки», Москва, 1880.

Как видим, комментаторы пытаются оторвать якобы мифического Мартина Цадика от следующей ключевой многообъясняющей строчки: «глава халдейских мудрецов». Им надо заретушировать эту пушкинскую проговорочку. Произведение входит в школьную программу, а дети — это такие сволочи, постоянно норовят задавать неприятные вопросы.

Про халдеев читаем опять-таки в еврейской энциклопедии <http://www.eleven.co.il/article/14419>, те же семиты. Халдейские мудрецы-астрологи были в авторитете на Ближнем Востоке. Не только на звезды смотрели. [Халдейская магия – искусство получать НЕЧТО из НИЧЕГО, получать вещественное, материальное следствие из пустоты, нулевой причинной сущности. Вы задумались о российских современных олигархах-иудеях, чьи миллиарды долларов возникли в одночасье «из воздуха»? Правильно задумались...](#)

Т.е. этот отрывок из романа без еврейской энциклопедии не прочтешь.

Современники, кстати, были осведомлены о Мартыне Задеке, он же — Мартин Цадик. В 1833 г. писатель-романтик А.Ф. Вельтман (1800-1870) издал в трех книгах роман «МММСДХLVIII год. Рукопись Мартына Задека» (3448 год. Рукопись Мартына Задека). Проф.Егоров Б.Ф. в книге "Российские утопии: Исторический путеводитель" (СПб., «Искусство—СПБ», 2007. — 416 с.) пишет: [В предисловии автор объясняет, что Мартын Задек на самом деле — еврейский ученый предсказатель Мартин Цадек, а его дальний предок — Цадэк Мелэх, первосвященник при библейском царе Сауле. Поэтому римские цифры как бы демонстрируют древность публикуемой рукописи. Идейное ядро романа — описание идеального государства будущего, Босфорании, столицы Рима Босфоранского \(Константинополя, что ли?\) и идеального правителя Иоанна. Но основное](#)

содержание романа (большого, в трех частях) — авантюрное, приключенческое. Иоанна свергает разбойник Эол, которого, в свою очередь, свергают, и снова восстанавливается трон Иоанна, следуют умыкания, соблазнения, совращения, деяния разбойников и пиратов... Конечно, в конце торжествует добродетель, но все-таки утопические картины теряются в приключенческой чехарде. Я так понимаю, что после 1833 г. роман Вельтмана больше не издавался.

Сильно солнце нашей поэзии в масонской ложе увлекалось оккультными науками. В русском романе сплошняком идут фактически нерусские герои. «Хорошенькое дело! Хватились — пианины нету», - как сказала бы Рина Зеленая. Русские няньки да крепостные. А главные герои? "По имени Владимир Ленский, С душою прямо геттингенской" (т.е. с нерусской масонской душой, иностранной по происхождению), "Все дочек прочили своих За полурусского соседа"; Онегин — по сути: "Он фармазон; он пьет одно Стаканом красное вино". Фармазон — это мутированное франкмасон. И тут еще появляется косноязычная девица

Я	должен	буду,	без	Татьяна:
Письмо		Татьяны		сомненья,
Она	по-русски		плохо	перевесть.
Журналов	наших		не	знала,
И	выражалась		с	читала,
На	языке	своем	родном	трудом
				3-26.

А	здесь	вообще	Пушкин	откровенно	пишет,	что	она	нерусская:
Татьяна				(русская				душою,
Сама			не		зная,			почему)
С			ее		холодную			красою
Любила			русскую		зиму,			5-4

Вокруг этой косноязычной нерусской девицы, спящей с протоколами сионских мудрецов книгой халдейских мудрецов, автор вяжет интригу, собственно, романа.

И здесь школьники делают кощунственный вывод: а немецким-то царям с псевдонимом романовы необходима была клика нерусского дворянства для управления русским быдлом. И здесь уже с В.Г.Белинским не поспоришь: «энциклопедия русской жизни». Которую надо читать временами с еврейской энциклопедией в руках.

А если я ещё пару строк приведу, то читатель, пожалуй, скажет: «Что это вы, батюшка, нашего Пушкина, как революционера, обыскиваете? Словно царский жандарм, прицепились к нему, ища бомбы в саквояже с поэтическими рукописями?»

(*) «Вот и ваш текст, если бы так же пристрастно разбирать, а вы бы в ответ (как вы и отвечаете в большинстве случаев): «Я так хочу». Мол, цель у меня праведная, и она оправдывает любые средства», - заметили автору. Что он ответил? Я, действительно, так хочу и так пишу. *Веровах, темже возглаголах* (Пс.115:1). А вы проверяйте, правильно ли я хочу, верная ли у меня вера? Точно так, как мы Пушкина проверяем.

(**) «...масонский кодекс морали можно и сегодня прочесть на постаменте главного памятника: «И долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал. / Что в мой жестокий век восславил я свободу / и милость к падшим призывал» (1836). Все это — из лексики кишиневской ложи «Овидий». К.Кедров. Под градусом Пушкина.

Ну, а что прикажете, делать с этим фармазоном и странником по читательским сердцам? Только обыскивать и остаётся. Чтобы дважды, трижды, бесконечно не взрываться на бомбе, которую он в верхах российского общества подложил. Поэтому, даже рискуя от подозрительности впасть в мнительность, и начать думать то, чего нет, я эти строки приведу. Сперва эту: «Все шлют Онегина к врачам, те хором шлют его к *водам*» (курсив Пушкина). А затем эту: «Кто там в малиновом берете / С послем испанским говорит?» Приведя эти строки, я приведу и свои предположения, вы же, читатель, сами решайте, как к ним относиться.

Мне кажется, что словом «*воды*» Пушкин указывает на обряд посвящения в масоны. В словаре масонских терминов говорится, что посвящаемого вводят с завязанными глазами, обнаженными грудью и коленом. Он проходит через символические странствования и очищение водой и огнем. По окончании странствований с глаз его снимают повязку. Т.е. Пушкин курсивом слова «*воды*» даёт знать посвящённым, что он отсылает Онегина к масонам, и хочет видеть своего героя в их рядах, «а он не едет».

Маска «Онегин» не поняла или не захотела понять, что «любовь» маски «Татьяны» зависит от *вод* посвящения. Кого же тогда символизирует Татьяна, кому она отдана и будет век ему верна? Неужели... Нет, не будем об этом гадать нашим непосвящённым умом. По некоторым данным, Пушкин достиг семнадцатого градуса посвящения. Оградив себя широким православным крестным знаменем, заглянем в «Книгу древнего и принятого Шотландского устава франкмасонства», в 17-й градус.

«17. РЫЦАРИ ВОСТОКА И ЗАПАДА. Этот градус первый из Новых или «Принятых» градусов, в противоположность предшествовавшим «Древним» градусам. «Слово снова потеряно, и образно говоря, Третий Храм – в сердце человека – должен быть построен и посвящен Истинному Богу». Христианская эра принесла пик распространения синкретизма среди евреев и египтян, и было сказано, что писания Апостолов были только неполной частью полного философского и религиозного учения и переданных тайн. В 1127 г., папа Гонорий II объединился со Стефаном, Патриархом Иерусалимским, чтобы посвятить рыцарей, дабы они были одеты в белизну чистоты и работать над тем, чтобы передать далее эти тайны под эгидой масонства. Одиннадцать рыцарей, посвященных Армельфо Гуави Мундосом, Князем и Патриархом Иерусалима в 1118 г. были названы «Рыцарями Востока и Запада» (в память о западных странах, из которых они прибыли и о месте их посвящения на Востоке).

Ложа восьмиугольной формы, с малиновыми драпировками, усыпанными золотыми звездами. Семь «квадратных колонн» в каждом углу, с инициалами слов: Красота, Святость, Мудрость, Мошь, Честь, Слава, Сила на их капителях и с инициалами слов: Дружба, Единство, Самоотдача, Рассудительность, Верность, Благоразумие, Умеренность на их базисах. На Востоке находится алтарь с семью ступенями с пустым тронem, солнце и луна и песочные (или водяные) часы. На алтаре находится серебряный сосуд с благовонной водой, сосуд с раскаленными углями и большая книга, запечатанная семью печатями из зеленого воска. Все двадцать четыре члена (называемые Прецепторией) одеты в белые мантии с красными крестами на груди.

Удары: [6-1]. Этот градус открывается с молитвами и гимнами, и кандидат подвергается строгой проверке его знания предыдущих градусов Древнего Цехового Масонства. Кандидат очищается и освящается и принимается под гимн Лютера «От Востока к Западу» и чтение 12-й главы Экклезиаста (*). Подчеркиваются семь божественных добродетелей и семь человеческих добродетелей (написанные на колоннах) и то, что надо избегать семи пороков (Ненависть, Раздор, Гордость, Неразумие, Вероломство, Разврат, Клевета). Семь Печатей (из Откровения Иоанна) ломают и объясняют, и кандидата символически представляют идущим с Патмоса, «очень древним» человеком (**). Запон из желтого с малиновым и голубым сатина, и с мечом и Тетрактисом (или Тетраграмматоном) на ней. Подвеска – гептагон из серебра и золота со скрещенными на весах мечами на лицевой стороне и агнцем на книге с семью печатями на оборотной стороне. Подвеска носится на двух перевязях: одной черной (слева направо) и другой белой (справа налево), символизируя добро против зла. Также вручается золотая корона». (***)

(*) 12-я глава Екклесиаста это последняя его глава.

(**) Кто этот загадочный «очень древний» человек с Патмоса? Если это Иоанн Богослов или кто-либо из его учеников, то так и напишите. А если не хотите назвать его по имени, значит, это тот, о ком Апостол Иоанн сказал: *многие обольстители вошли в мир, не исповедующие Иисуса Христа, пришедшего во плоти: такой человек есть обольститель и антихрист* (2Ин.1:7). Кстати, в Откровении Иоанна Богослова число семь встречается 31 раз, и восемь – 2 раза, и первый раз в этом стихе: *И зверь, который был и которого нет, есть восьмой, и из числа семи, и пойдет в погибель* (Откр.17:11).

(***) «Конечно, когда речь идет о масонстве Пушкина или позднее Блока, следует понимать, что это чисто эстетическая причастность к новой символике. Представить себе Пушкина или Блока в роли покорных учеников у какого-нибудь мастера ложи, который и в подметки им не годится, невозможно, да и не нужно. Но и после закрытия ложи Пушкин свой длинный масонский ноготь не состригал и перстень с черепом всю жизнь носил гордо, можно сказать, напоказ». К.Кедров. Под градусом Пушкина.

В приведенном описании нас, во-1-х, интересуют малиновые драпировки ложи и малиновый цвет запона, т.е. фартука посвящаемого каменщика. Пусть читатель посмеётся над моей жандармской подозрительностью (*), но я свяжу их с малиновым беретом Татьяны, поскольку это именно она «в малиновом берете / С послем испанским говорит». А во-2-х, обратим внимание на цифры 7 и 8: ложа восьмиугольной формы, семь божественных добродетелей, семь человеческих добродетелей, семь ступеней с пустым тронem, семь печатей, гептагон, т.е. семиугольник...

Свяжем цифры 7 и 8 с главами романа. Точнее, с загадочными стихами в конце 7-ой главы, рассмотренными нами выше, а также с эпитафem 8-ой главы, взятым из Байрона: «Fare thee well, and if for ever, / Still for ever, fare thee well», и, наконец, с бесконечной перспективой в финале.

В комментариях к роману даётся такой перевод эпитафа: «Прощай, и если мы расстаёмся навсегда, то навсегда прощай». Я плохо знаю английский, поэтому могу соврать, но первые и последние слова этого эпитафа «fare thee well» я перевел буквально так: странствуй хорошо, или доброго странствия. Не буду гадать: сам ли поэт собрался в бесконечную перспективу или кого другого хочет туда послать? Не хочу также домысливать, какую «тайную свободу» (***) хотел сообщить посвящённым их пророк количеством глав своего романа? Что я, профан, могу знать об их масонской символике? Поэтому я скажу о том, что знаю – о христианской символике. Тем паче, что она мать и повелительница всех символик, вернее сказать, масонская символика всего лишь пародирует тот смысл, который вкладывается христианством в числа и знаки.

(*) «Отчего же «жандармской»? Скорее, болезненной», - сказали автору. Профессиональной – вот правильное слово, читатель. А ещё лучше – святоотеческой недоверчивостью к себе и к другим.

(**) «Пушкин, тайную свободу пели мы вослед тебе», - пропел поэт Блок. Уж, не в этом ли тайная свобода состоит, чтобы писать масонские знаки в своих книжках, а также в сознании читателей? Не в этом ли свобода, чтобы посвящённые могли их читать и посмеиваться в кулачок над профанами? Если в этом, то избави меня Бог от этой свободы, этой поэзии и этих гениев, которые меня за человека не считают и строят свою свободу на моей несвободе.

Из Библии мы знаем о шести днях творения: *И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой*» (Быт.1:31). Знаем также и о седьмом дне, в который почил Бог *«от всех дел Своих*» (Быт.2:2). Исходя из этих слов, Святая Церковь учит нас, что нынешний век есть День седьмой, а нескончаемая жизнь будущего века это «осьмой день» творения. «Семидневный цикл завершается Божественным покоем субботнего дня; за ним – предел этого цикла – воскресенье, день сотворения и воссоздания мира», - пишет В.Н.Лосский.

Творение, которое воскреснет в 8-ой День, будет иным, но каким? Этого *не лезть есть человеку глаголати* (2Кор.12:4), одно ясно: оно будет заново отделённым. Потому что деление как главный принцип всего творения прослеживается в каждый из его Дней. В 1-й День был отделён свет от тьмы; во 2-й – воды под твердь от вод над твердь; в 3-й – суша от морей; в 4-й – светило дневное от светил ночных; в 5-й – живой от неживого мира; в 6-й – из живого мира был выделен человек; в 7-ой – ... а вот здесь процесс разделения *овец от козлов* (Мф.25:32), пшеницы от плевел ещё продолжается, и его итог откроется в 8-ом Дне.

Итак, если посмотреть на роман уже не «сквозь магический кристалл» (*), но при свете дня святоотческих учений, то осмочисленное количество глав романа «Евгений Онегин» можно истолковать уже не как «восьмёрку на боку», т.е. масонский символ бесконечности, но как указание на основополагающий, т.е. христианский смысл числа «восемь», который открывается в романе помимо замыслов самого Пушкина, вернее сказать, поверх всех его замыслов.

Воскресение мертвых и жизнь будущего века – вот что такое «восьмёрка», т.е. восьмой День творения, в который произойдёт окончательное разделение мира. Где я окажусь? Справа? Слева от Господа? Господи, спаси! Но где бы мне не пришлось быть, я едва ли буду рядом с Пушкиным: он посвящённый, а я – профан. Поэтому прощайте, Александр Сергеевич, и если мы расстаёмся навсегда, то навсегда прощайте. Fare thee well.

(*) «Кристаллос» (греч.) - 1) лёд; 2) позд. горный кристалл, вообще прозрачный камень ср.«криос» - холод. Словарь Вейсмана. *Хвалите Господа /.../ огонь, град, снег, голоть* (Пс.148:8). Словом «голоть» переведено греческое «кристаллос». Русский перевод: *Хвалите Господа /.../ огонь и град, снег и туман. «Голоть – лёд, гололедица. Метаящего голоть Свой яко хлебы* (Пс.147:6) – бросающего град Свой кусками». Словарь прот.Дьяченко.